

5. Ожигова, Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... докт. психол. наук: 19.00.01 – Краснодар, 2006.
6. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005.
7. Ранк, О., Закс, Г. Психоаналитическое исследование мифов и сказок / Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа: сборник; переводы с нем. – Львов: Инициатива; М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – С. 207-244.
8. Фрейджер, Р., Фейдимен, Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты, пер. с англ. – СПб.: Прайм ЕВ-РОЗНАК, 2004.
9. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.
10. Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг; пер. А.А. Спектор. – Мн.: Харвест, 2004. – 400 с.
11. Юнг, К.Г. Структура психики и процесс индивидуации / К.Г. Юнг. – М.: Наука, 1996 – 296 с.

С.А. Месникович, Н.Ф. Калютчик,
*Белорусский государственный педагогический
университет им. М. Танка*

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ У ПОДРОСТКОВ

В большинстве психологических источников одиночество рассматривается как острое, болезненное переживание, выражающее определённую форму самосознания и свидетельствующее о расколе объективной и субъективно представляемой системы отношений и связей личности. Для состояния одиночества характерно чувство глубокой погруженности в себя, анализ своей самости («Кто я такой в своей жизни»), острота самовосприятия. Может иметь место нарушение в системе межличностных взаимосвязей из-за чувства потери чего-то значимого, ощущение своей исключительности неприятности другими.

Однако изучаемый нами феномен имеет противоречивую природу. С одной стороны, одиночество может иметь отрицательное эмоциональное содержание и свидетельствовать о дефиците значимого общения. В этом случае оно – «негативное переживание тоски, никчемности, отчаяния, изолированности, покинутости, скуки, которое возникает из-за неудовлетворения потребности в разделении чувств, общении и понимании человека значимыми людьми» [1, с. 11]. С другой стороны, существует и так называемый положительный потенциал одиночества, когда оно «позволяет

спиртуализма в личностную рефлексию, в размышления о важнейших мыслительных проблемах и несет в себе возможность развития таких личностных качеств, без которых успешная интеграция в социуме затруднена» [2, с. 8].

Возникновение первого наиболее сильного переживания одиночества типично для подросткового возраста, ведь именно в этот период жизни человек начинает осознавать свой внутренний мир как уникальный и неповторимый. Так проявляется становление самосознания и устойчивого образа «Я» – центральных новообразований данного возраста. Подросткам может быть присуще переживание одиночества в связи с возрастным кризисом смысла жизни, актуализующим поиски, а также из-за отсутствия взаимопонимания со сверстниками и родителями. В некоторых случаях причиной являются неблагоприятные условия жизни и развития [1, с. 3]. Причём отношение к одиночеству и формы проявления этого состояния могут быть разными у девочек и мальчиков.

В связи с названными обстоятельствами важность приобретает изучение гендерных особенностей представлений об одиночестве у подростков и их учет в учебно-воспитательной работе. В контексте практической реализации данной задачи нами было проведено исследование представлений об одиночестве 14-15-летних учащихся гимназии № 61 г. Минска. В качестве диагностического инструментария использовалась методика незавершенных предложений. Обработка материала проводилась методом контент-анализа с последующим использованием углового преобразования Фишера.

Выяснилось, что одиночество, в представлениях испытуемых, это:

- переживания отрицательной модальности, связанные с дефицитом значимого общения и взаимопонимания;
- экзистенциальные суждения;
- физическая изоляция;
- психическое состояние человека.

Значимые различия наблюдались по категории «экзистенциальные суждения». Это обстоятельство даёт основания полагать, что девочкам – подросткам, в отличие от мальчиков их возраста, типично связывать одиночество с экзистенциальными характеристиками.

Анализ предложений, направленных на изучение эмоциональных и поведенческих реакций на одиночество, показал, что категория «Принимаю одиночество и использую его положительный потенциал» представлена ответами девочек, в то время как категория «Бездействую, предаваясь тугостным переживаниям» – мальчиков. Значимые различия (критерий Фишера) в указанных категориях позволяют предположить существование гендерных особенностей в представлениях о собственных действиях в ситуациях, связанных с одиночеством. По категории «Предпринимаю практические действия, направленные на преодоление одиночества», статистически значимых различий не обнаружено. Ироничные высказывания

или уход от ответа наблюдались только у респондентов мужского пола (11 %).

Ответы, содержащие представления о мерах предупреждения преодоления одиночества, мы разделили на две категории: «рекомендации себе» (83 % испытуемых) и «рекомендации другим людям» (17 %). Последние были «адресованы» одинокому человеку (11 %) либо его окружению (5,6 %). По указанному вопросу статистически значимых различий не обнаружено.

Анализ предложений, нацеленных на выявление представлений подростков о реакции большинства людей на ситуацию одиночества, также не выявил гендерных различий. Были получены следующие ответы: *в ситуации одиночества большинство людей*

- *испытывают депрессивные состояния* (66,6 % испытуемых обеих выборок), *из них 22,2 % подростков отметили в качестве причины недостаток общения и взаимопонимания;*
- *молча переживают одиночество* – 16,7 %;
- *пытаются найти себе занятие* – 5,6 %;
- *бездействуют и жалуются на жизнь* – 11,1 %.

Проведенная диагностика включала вопрос: «Какого цвета и вкуса одиночество?» Данные, свидетельствующие об эмоциональных смыслах подростков, показали, что одиночество ассоциируется у девочек и мальчиков с холодными, мрачными тонами (серый, тускло-синий и т.п.) у 61,1 %, с цветом нелюбимых или испорченных пищевых продуктов – 11,1 %, отсутствием цвета – 5,6 %.

Примечательно, что для женской выборки, наряду с названием мрачных тонов, типично ассоциировать одиночество с позитивными цветовыми оттенками, а вкусовыми – с горечью. Имели место ответы: «горькое, но не всегда», указывающее на амбивалентное отношение к одиночеству. Мальчики же связывают одиночество со вкусом нелюбимых или испорченных продуктов питания.

Таким образом, по результатам проведенной диагностики можно сделать следующие выводы:

- Большинство респондентов (66,7 %) под одиночеством понимает отрицательные эмоциональные состояния, связанные с недостатком значимого общения и взаимопонимания.
- Принятие и осмысление своего одиночества, экзистенциальные суждения о последнем более характерны девочкам. Напротив, стремление игнорировать одиночество, скрывать свои мысли и чувства, ироничные и смешные ответы оказались типичными для мальчиков.
- Выявленные сходства и различия в представлениях мальчиков и девочек о цвете и вкусе одиночества требуют дальнейшего изучения с целью установления либо опровержения гендерных различий.

Учет общих и гендерных особенностей представлений подростков об одиночестве может способствовать оптимизации педагогического общения на уроках и во внеклассной деятельности.

1. Малышева, С.В. «Образ Я» и представления о сверстнике у подростков, переживающих одиночество / С.В. Малышева. – Москва, 2003.
2. Неумоева, Е.В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте / Е.В. Неумоева. – Тюмень, 2005.

Е.Е. Миронова,

Женский институт ЭНВИЛА

ЗНАЧЕНИЕ РАННЕГО ДЕТСТВА СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ВЗРОСЛОГО

К парадигме болезни обратились в эпоху Просвещения, чтобы объяснить странное, непонятное поведение. Сарбин на примере св. Терезы (1515-1582) ясно показал, что понятие болезни было применено впервые лишь как метафора. Монахини одного монастыря нередко вели себя таким образом, что сегодня это посчитали бы массовой истерией. Чтобы монахини не попали в руки инквизиции, Тереза высказалась за то, чтобы рассматривать этих монахинь «как больных», чтобы объяснить наблюдаемые отклонения не колдовством, а естественными причинами.

С этого времени модель болезни стала конкурентом «модели одержимости». Непредсказуемое, странное поведение теперь уже не считалось «наказанием божьим» (как в раннее Средневековье) или признаком «добровольного соглашения с дьяволом» (как в позднее Средневековье), но объяснялось, подобно болезни, каким-то центральным нарушением в индивиде. Это нарушение видели не в теле, а в духе, разуме или характере. В эпоху Ренессанса и Просвещения в результате обращения к трудам древнегреческих философов христианское понятие души утратило свое значение; оно было заменено понятиями духа, разума и психики. Соответственно дуализму души и тела для каждой из этих субстанций признавалось и собственное бытие, а значит, можно было говорить и о душевной болезни.

Интенсивное развитие естественных наук в XIX в. поставило под сомнение такую точку зрения. Психиатрия тоже все больше и больше примыкала к естественнонаучной медицине и позаимствовала строго биомедицинскую модель болезни. Болезни духа, по мнению ведущих психиатров 2-й половины XIX в., – это тоже болезни головного мозга, а стало быть, базисное нарушение, «дефект» всегда имеет соматическую природу. Благодаря этой биомедицинской модели болезни ряд необъяснимых прежде состояний духа и души действительно удалось свести к центральному